

«ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ»: ТИПОЛОГИЯ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ
В УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ «РОМАНЕ БОЛЬШОЙ
ДОРОГИ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

ДЕНИС ЧИК

Бердянский государственный педагогический университет
Институт филологии и социальных коммуникаций
Кафедра зарубежной литературы и теории литературы
ул. Шмидта, 4, 71118, г. Бердянск, Запорожская обл., Украина
e-mail: denyschyk@ukr.net
(получено 07.06.2016; принято 08.09.2016)

Abstract

**“Fascinating Geography”: the Typology of Geographical Images’
Construction in Ukrainian and English “High Road Novels”
of the 1st half of the 19th century**

The article deals with the typology of the spatial relationships between geographic objects in the novels *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* by J. Morier, *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* by Ch. Dickens, *The Life and Adventures... of Stolbikov...* by H. Kvitka-Osnovianenko, *Dead Souls* by N. Gogol. It also analyzes the impact of national and ethnic factors in the deformation of the real geographical or fictitious topoi. The modeling of spatial relationships between geographic features in the novels corresponds to the spatial world of the characters. “Imaginary” space was constructed in all the pieces of fiction, in spite of the existence of real place names (H. Kvitka-Osnovianenko, J. Morier, Ch. Dickens) or symbolic markers (N. Gogol, Ch. Dickens). For a complete reproduction of mental and emotional states of the characters and their national and mental characteristics the English and Ukrainian writers often use the intentional deformations of geographic space, filling its content with extrinsic symbolic meaning.

Key words

Space, novel, geographical topos, fictitious topos, the image, symbol.

Резюме

В статье рассматривается типология пространственных отношений между географическими объектами в романах *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* Джеймса Морье, *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* Чарльза Диккенса, *Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века* Григория Квитки-Основьяненко, *Мертвые души* Николая Гоголя. Анализируется влияние национально-этнических факторов на искажение реальных географических или фиктивных топосов. Таким образом, моделирование пространственных отношений между географическими объектами в романах *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* Дж. Морье, *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* Ч. Диккенса, *Жизнь и похождения...* Квитки-Основьяненко, *Мертвые души* Н. Гоголя коррелирует с пространственным миром персонажей. «Воображаемые» пространства присутствуют во всех произведениях, несмотря на наличие реальных географических названий (Г. Квитка-Основьяненко, Дж. Морье, Ч. Диккенс) или символических маркеров (Н. Гоголь, Ч. Диккенс). Для полного воспроизведения психоэмоционального состояния персонажей, их национальных и ментальных особенностей английские и украинские авторы часто прибегают к умышленным деформациям географического пространства и наполнения его неприсущим символическим смыслом.

Ключевые слова

Пространство, роман, географический тоpos, фиктивный тоpos, образ, символ.

В последнее время в гуманитаристике наблюдается активное использование междисциплинарных подходов, которые плодотворно обновляют методологическую базу и предлагают современные способы интерпретации явлений, в том числе и литературных. К такому междисциплинарному направлению принадлежит и воображаемая география / воображаемые географии (*imagined / imaginative geographies*) – междисциплинарное направление, которое появилось как ответвление постколониальной теории Эдварда Саида в конце 1970–1980-х гг. Сам термин *imaginative geography* едва ли не впервые появляется в известной работе *Ориентализм* (1978) этого же ученого¹. Воображаемая география изучает различные способы трактовки географических образов и людей в искусстве,

¹ E.W. Said. *Orientalism*. 25th Anniversary Ed. with 1995 Afterword Ed. London: Penguin Books Ltd, 2003, с. 49.

которые, как правило, часто не имеют ничего общего с реальностью, потому что несут в себе определенный идеологический или социальный посыл (собственно, отсюда и название *воображаемая*).

В Украине, Беларуси и России существует другое название этого направления, *гуманитарная география*, распространившееся благодаря трудам российского географа и культуролога Дмитрия Замятина², а также работам его учеников и последователей, которые вышли в свет в конце 1990-х и в 2000-х гг.

Гуманитарная география, по сути, является аналогом воображаемой географии под другим названием. Сам же Замятин переводит *imaginative geography* как *имагинальная география* или *образная география*, акцентируя внимание не на процессе мысленного восприятия, а на моделировании географических образов³. К российской версии воображаемой географии, которая появилась значительно позже западной, можно частично отнести концепцию культурного ландшафта теоретиков географии Юрия Веденина⁴ и Владимира Каганского⁵.

Необходимо отметить, что термин *воображаемая география* активнее используется историками и географами в сравнении с литературоведами.

Как следует из генезиса воображаемой географии, ее положения часто эксплицируются в постколониальных и геополитических исследованиях, поэтому нередко она фрагментарно «размывается», несмотря на очевидный самостоятельный продуктивный потенциал направления, особенно в процессе изучения художественных произведений.

Западное литературоведение сегодня успешно аргументировало причины выделения *литературной географии* (*литературных географий*) как особого междисциплинарного направления литературоведческих исследований, которое существует на стыке экономической и социальной географии (английский аналог – *human geography*) и литературоведения. Как нам кажется, в терминосистеме следует пользоваться термином *литературоведческая география*, учитывая то, что словосочетание *литературная география* часто используется для обозначения произведений о путешествиях или с целью краеведческой или этнической локализации литературного процесса в стране. Поэтому такая формулировка позволит избежать возможной путаницы.

² Д.Н. Замятин. *Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях*. Москва: РОССПЭН, 2004.

Д.Н. Замятин. *Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетей, 2003.

Д.Н. Замятин. *Культура и пространство. Моделирование географических образов*. Москва: Знак, 2006.

³ Д.Н. Замятин. *Имагинальная (образная) география. Материалы к словарю гуманитарной географии*. [В:] *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах*. Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. Вып. 4. Москва: Институт наследия, 2007, с. 291–296.

⁴ Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. *Культурные ландшафты как объект наследия*. [В:] *Культурный ландшафт как объект наследия*. Научн. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. Москва: Институт Наследия; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004, с. 13–36.

⁵ В. Каганский. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. Москва: Новое литературное обозрение, 2001.

Зарождение литературоведческой географии приходится на 1970–1980 гг., когда в трудах по культурной географии и ландшафта известного американского географа, основателя гуманистической географии И-Фу Туана⁶ специально поднимался вопрос о репрезентации географических образов в художественной литературе. Впрочем, это не были собственно литературоведческие исследования – первые студии, которые можно отнести к литературоведческой географии, появились в 90-х гг. прошлого столетия и в 2000-х гг. и принадлежат канадскому ученому Марку Броссо⁷ и итальянскому литературоведу-компаративисту Франко Моретти⁸. К ним можно отнести и пионерские работы уже упоминавшегося Саида⁹ и других представителей основанного им постколониального направления, например, монографию Кристофера Го-Гвилта¹⁰. Среди знаковых работ по литературоведческой географии последнего времени можно выделить монографии Шейлы Хоунз¹¹, Элис Энтвистл¹², Каталины Некулай¹³, Лоррэйн Райан¹⁴, Джули Сандерз¹⁵, большое количество публикаций в тематических сборниках¹⁶ и специализированных электронных и печатных журналах *Literary Geographies*, *Cultural Geographies* (sic!), *GeoHumanities* и др. Также с уверенностью можно говорить о тесной взаимосвязи современной литературоведческой географии с экономико-социальной и политической географией, эко-критикой и отчасти – с геополитикой.

⁶ Yi-Fu Tuan. *Humanistic Geography*. «Annals of the Association of American Geographers» 1976. Vol. 66, No. 2, с. 266–276.

Yi-Fu Tuan. *Space and Place. The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.

⁷ M. Brosseau. *Geography's Literature*. «Progress in Human Geography» 1994, No 18 (30), с. 333–353. M. Brosseau. *The City in Textual Form. Manhattan Transfer's New York*. «Ecumene» 1995, No 2 (1), с. 89–114.

⁸ F. Moretti. *Atlas of the European Novel (1800-1900)*. London: Verso, 1998.

F. Moretti. *Graphs, Maps, Trees. Abstract Models for a Literary History*. London: Verso, 2007.

⁹ E.W. Said. *Orientalism*. 25th Anniversary Ed. with 1995 Afterword Ed. London: Penguin Books Ltd, 2003.

¹⁰ Ch. GoGwilt. *The Invention of the West. Joseph Conrad and the Double-Mapping of Europe and Empire*. Stanford: Stanford University Press, 1995.

¹¹ S. Hones. *Literary Geographies. Narrative Space in Let the Great World Spin*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

¹² A. Entwistle. *Poetry, Geography, Gender. Women Rewriting Contemporary Wales*. Cardiff: The University of Wales Press, 2013.

¹³ C. Neculai. *Urban Space and Late Twentieth-Century New York Literature. Reformed Geographies*. Palgrave Macmillan, 2014.

¹⁴ L. Ryan. *Memory and Spatiality in Post-Millennial Spanish Narrative*. Farnham, Surrey: Ashgate, 2014.

¹⁵ J. Sanders. *The Cultural Geography of Early Modern Drama, 1620-1650*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

¹⁶ *Placing Poetry*. Ed. by I. Davidson, Z. Skoulding. Amsterdam-New York: Rodopi, 2013. *Poetry and Geography. Space and Place in Postwar Poetry*. Ed. by N. Alexander, D. Cooper. Liverpool: Liverpool University Press, 2013.

Естественно, что, в отличие от физического, социального и экономического пространства, исследования пространственных объектов художественного произведения будут иметь дело с особым типом искусственного и фиктивного пространства, которое будет отражать специально смоделированные создателем произведения топосы. Художественное пространство существует в тесном взаимодействии со всеми видами других пространств, в той или иной степени формируя с ними единую полиизмерительную плоскость. Поэтому пространственные объекты, отражающие географические образы, будут носителями определенного подхода автора к картографированию, вдохновляемого его собственным опытом и спецификой восприятия окружающего мира.

Отдельные жанры и жанровые разновидности художественной литературы имеют немало общих черт с картографическим проектированием, например, путевые очерки и романы странствий. Большую роль картографирование пространства играет и в «романе большой дороги», жанровой разновидности романа, где «большой дорогой» часто является весь жизненный путь персонажа.

Для нас интерес представляют прежде всего особенности обобщенных способов моделирования и воспроизведения пространственных отношений географических объектов в романах и их взаимосвязь с пространственным миром персонажа. Иначе говоря, нас интересуют, с одной стороны, различия картографической генерализации – отбора и степени обобщения объектов¹⁷, с другой – совпадения в отражении и локализации географических образов. Попытаемся также определить психологическую подоплеку и влияние национально-этнических факторов на искажение тех или иных реальных географических или фиктивных топосов. Целесообразным будет использование пространственной терминологии, как-то: расстояние, направление, сосредоточение, близость, доступность и т.д., распространенной в региональной географии¹⁸. В настоящей работе, как и в большинстве современных исследований по региональной географии, будем пользоваться классификационной схемой, согласно которой иерархический каркас объектов размещается в пространстве горизонтально, а не вертикально¹⁹. Весьма любопытной представляется умышленная деформация географического пространства в произведении, его наполнение неприсущим смыслом и цель таких формотворческих и содержательных изменений.

В данной статье мы исследуем конструирование географического пространства в романах *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* (1828) Джеймса Морье (Мориера), *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* (1836-1837) Чарльза Диккенса, *Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех намесничествах. Рукопись XVIII века* (1841) Григория Квитки-Основьяненко²⁰, *Мертвые души* Николая Гоголя (1842), которые относим к жанру «ро-

¹⁷ Л.А. Фокина. *Картография с основами топографии: учебное пособие для студентов вузов*. Москва: ВЛАДОС, 2005, с. 101.

¹⁸ Г. де Блэй, П. Муллер, О. Шаблій. *Географія: світи, регіони, концепти*. Київ: Либідь, 2004, с. 101.

¹⁹ Там же, с. 19.

²⁰ Далее по тексту: *Жизнь и похождения...*

мана большой дороги». Прежде всего рассмотрим особенности конструирования большого города в текстах украинских и английских писателей.

В романе *Жизнь и похождения...* Квитки-Основьяненко представлен образ большого города, Москвы, в видении провинциала. От своей встречи с одним из крупнейших городов империи Столбиков ожидает решения личных проблем с получением наследства. Его захватывает величие города, в который он прибывает, особенно его поражает размер по сравнению с теми городами, какие он видел до этого:

У! какой обширный город Москва!... гораздо обширнее, нежели мог я вообразить!... Когда я взглянул на него с горы, при въезде, у меня захватило дух, словно был брошен в глубокую реку... А сколько философических рассуждений родилось в моей голове при рассматривании этой массы!.. Вот город, думал я, так город! Не нашему наместническому чета. Сколько в нем улиц, сколько в улицах домов, сколько в домах людей, сколько в их головах мыслей, идей, замыслов, размышлений, намерений, предприятий, интриг, хитростей!.. С гордостью посматривал я на себя, что через час буду жителем столичного города Москвы²¹.

Итак, Столбиков с наивностью думает, что только переход городских границ позволит ему избавиться от связи с предыдущим провинциальным пространством.

Столбиков любит зданиями, а своим неподдельным восторгом и простоватой внешностью привлекает внимание местных мошенников. Столичный город (приобретение Петербургом соответствующего статуса в 1712 г. не помешало восприятию Москвы как столицы) оказывается полным угроз и происков для неподготовленного путешественника. После своего первого неудачного опыта путешествия по городу, когда его обманывают, и когда он с трудом находит путь назад, Столбиков осторожно исследует пространство вокруг дома своего друга Столбиковского:

Любуясь собою, я ходил по городу всегда недалеко от квартиры, чтобы не растеряться в этих бестолковых улицах и бесчисленных переулках. Выйдя со двора, я шел на заметную колокольню или дом, оттуда брал другой предмет, далее третий, четвертый и, найдя, по тем же предметам возвращался домой²².

Постепенно Столбиков овладевает пространством чужого города, учится его «считывать» и запоминать его приметы. Перед ним раскрывается чужая территория со своими законами и экзотическими обитателями.

Топосы Москвы постоянно вводят в заблуждение главного героя: сталкиваясь с ними, он как бы теряет зрение и не способен различать их функциональное назначение.

²¹ Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. *Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века* [В:] Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Збір творів у 7-ми т.* Ред. кол. П.М. Федченко и фр. Т. 5: *Прозові твори*. Київ: Наук. думка, 1981, с. 179–180.

²² Там же, с. 183.

Столбиков часто не способен идентифицировать те или иные общественные заведения, в которых он случайно оказывается. Например, когда он попадает в трактир, его обманывают, убеждая в том, что это на самом деле частный дом, принадлежащий дальней родственнице, и заставляют оплатить чужой пир.

Он постоянно становится объектом манипулирования, насмешек и жертвой подлых афер местных мошенников. Примечательно, что первоначальное восприятие Москвы не оправдывает его радостных ожиданий, потому что в столице он не встречает ни одного человека, который бы не захотел использовать его в корыстных целях или просто поиздеваться. Даже сотоварищ по пансиону Столбиковский использует его в своих интересах (для сокрытия адюльтеров) и, неожиданно для себя получив твердый отказ от участия в сокрытии очередной интриги, подло выбрасывает вчерашнего «лучшего друга» из своего жилища. Поэтому Москва внезапно отторгает Столбикова, как инородное тело, который со своей непосредственностью и наивностью не способен вжиться в ее пространство постоянных обманов и условностей. Даже для того, чтобы беспрепятственно выехать из столицы, он вынужден заплатить взятку квартальному полицейскому.

Квитка-Основьяненко не перегружает эпизод пребывания Столбикова в Москве представлением реальных географических топосов. Лишь дважды он приводит точные названия московских заведений: Петровский трактир и Петровский театр. В трактир Столбиков попадает благодаря обману аферистов, где его обворовывают и пируют за его счет. Вынужденно покидая негостеприимной город, Столбиков узнает, что владелец Петровского театра Мэдокс подал жалобу на Столбиковского, который увел из его труппы танцовщицу. Здесь писатель использует имя реального исторического лица – Майкла Мэддокса (1742–1887), основателя Петровского театра. Первое представление в этом частном театре состоялась 30 декабря 1780 г.; с этого момента театр длительное время был одним из главных мест развлечений московских театралов.

Впоследствии, после 18 лет деятельности театра, владелец был вынужден, из-за финансовых трудностей, отдать его под опеку Императорского Воспитательного дома²³. «Появление» любовной интриги Столбиковского рядом с фамилией известного английского антрепренера исторически фиксируют действие и историзируют пространство донаполеоновской Москвы времен позднего правления Екатерины II.

В подобной ситуации оказывается Хаджи-Баба, когда попадает из родного пространства Персии в совершенно чужое для него пространство британской столицы. Как и украинец Столбиков, персы испытывают культурный шок, столкнувшись с образом жизни англичан, их привычками и неприятием их традиций. В столице Хаджи-баба и его спутники замечают отличные и непонятные правила обустройства быта и общежития. Их удивляет четкая функциональная определенность комнат (для приема пищи, для сна и т.д.), огромное количество

²³ М.И. Пыляев. *Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы*. Сост., предисл., коммент. Ю.Н. Александров. Москва: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007, с. 187.

мебели и отсутствие отдельных комнат для женщин и мужчин²⁴. Такое устройство бытового пространства изрядно смущает чужаков, ведь оно совсем не похоже на то, к которому они привыкли за годы жизни в Персии. Как и Столбиков, молодой перс воспринимает огромный город не статично, а в постоянной динамике: подчеркивается постоянное движение в городе и вынужденная причастность к бешеному ритму жизни, столь быстрому, что он воспринимается как нечто чрезвычайное:

We caught only rapid glimpses of streets, houses, shops, and novelties too numerous to be described at this moment, and at length stopped at a door, situated between several other doors of exactly the same dimensions; and there, to our joy and amazement, we beheld our countrymen, whom three days before we left at Plymouth, and whom, to say the truth, we expected never to see again²⁵.

В романе прослеживается противопоставление размеренной и созерцательной жизни персидских городов и кипучего ритма Лондона.

В случае с Чичиковым из романа *Мертвые души* Гоголя, происходит обратный процесс – из столицы главный герой приезжает в губернский город NN. Исследователи часто пытались точно определить географическое положение города, пренебрегая его умышленной типизацией. В частности, на это якобы указывает обидное прозвище которым «награждает» кучера Чичикова другой извозчик, когда они едва разминаются на узкой и разбитой сельской дороге: «Отсаживай, что ли, нижегородская ворона!» – кричал чужой кучер. Селифан потянул поводья назад, чужой кучер сделал то же, лошади несколько попятнулись назад и потом опять сшиблись, переступивши постромки²⁶. Буквосочетание NN, несмотря на свою распространенность в русскоязычных произведениях XIX в., не может прямо указывать на первые буквы названия Нижнего Новгорода (хотя автор пишет подряд две буквы NN вместо одной). Следует отметить и отсутствие присущих Нижнему Новгороду признаков, характерных для города на момент написания текста первого тома романа. Если же Гоголь и стремился показать отдаленную от столицы провинцию на примере Нижегородской губернии и губернского города, то он умышленно убирает точные маркеры: так, например, упоминания о посещении городского театра помещиками (основан в Нижнем Новгороде в 1798 г.) являются общими и могут касаться любого губернского театра.

Косвенным доказательством символического изображения Нижнего Новгорода является разговор двух крестьян, которые стали первыми свидетелями приезда Чичикова в гостиницу. Сказанное касается не приезжего – потому что он ничем не привлекает внимание, – а колес его экипажа:

²⁴ J. Morier. *The Adventures of Hajji Baba, of Ispahan in England*. New Ed. London: Ward and Lock, 1856, с. 89.

²⁵ Там же, с. 87.

²⁶ Н.В. Гоголь. *Мертвые души. Поэма*. [В:] Гоголь Н.В. *Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 7. Книга 1*. Москва: Наука; ИМЛИ РАН, 2012, с. 6.

«Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился²⁷.

Итак, есть два места, которые, несмотря на произвольный выбор одного из собеседников, могли бы стать возможным объектом мнимого прибытия – Москва и Казань; оба губернских города почти равноудалены от Нижнего Новгорода – на запад и восток соответственно.

В пользу Нижнего Новгорода может также частично свидетельствовать и перечень центральных губерний, в которых Чичиков поражал местных барышень своим красноречием, – Симбирская, Рязанская, Пензенская, Вятская. Если обозначить длительный маршрут афериста, обращая внимание только на эти названия, то он будет выглядеть так: Москва → Рязань → Пенза → Симбирск → Вятка → Нижний Новгород. У главного героя и его кучера на пути вероятного возвращения из Нижнего Новгорода в Москву должен находиться только один, не упомянутый в тексте, губернский город – Владимир.

Примечательной является и другая авторская ремарка, касающаяся размещения губернского города по отношению к столицам Российской империи – Петербурга и Москвы. Гоголь искренне удивляется легковёрности горожан, которые распространяют слухи о «передетом Наполеоне» Чичикове, ведь действие происходит не в глухой провинции:

Может быть, некоторые читатели назовут все это невероятным; автор тоже в угоду им готов бы назвать все это невероятным; но, как на беду, все именно произошло так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц²⁸.

Но это замечание разрушает версию о возможном описании Нижнего Новгорода, который гораздо ближе к Москве, чем к Северной столице.

Казалось бы, главный город губернии должен отличаться от других чистотой, величием архитектуры, организованностью пространства в целом и быть образцовым. Зато автор замечает и подчеркивает типичные черты русского города, которые отнюдь его не красят, а, наоборот, обостряют его неустроенность и антиэстетичность. Рессорная бричка, на которой приезжает Чичиков, «довольно красивая», хотя ее хозяин «не красавец, но и не дурной наружности»; город же противостоит возможной красоте во всем: он сразу предстает отгаликующим посредством описания местной гостиницы, очень грязной, с темными комнатами и закопченными от дыма залами, населенной тараканами и интереснейшими соседями. Внутреннее пространство гостиницы соответствует своему внешнему виду, не менее заброшенному и грязному:

Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний

²⁷ Там же, с. 9.

²⁸ Там же, с. 194.

был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками²⁹.

Поэтому гостиница символизирует пространство запустения, затхлости и упадка, который царит не только в городе, но и губернии в целом. Гостиница также становится вратами городского пространства, замкнутого на себе, – именно к нему всегда возвращается после своих «деловых» встреч приезжий аферист.

Присутствует в структуре пространства города и сакральный компонент, однако ему символически отводится второстепенная, если не третьестепенная роль. Помещица Коробочка, пораженная предложением Чичикова, приезжает в губернский город, чтобы посоветоваться с протопопшею. Путь в дом протопопы лежит мимо церкви через отдаленные улицы и закоулки:

Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец поворотила в темный переулок мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычках и остановилась пред воротами дома протопопши³⁰.

Название места, где находится церковь, указывает на ее основное значение и является прозрачным намеком на отсутствие доминирования духовного в жизни горожан (впрочем, не только горожан – Чичиков, узнавая об обустройстве города, спрашивает, на всякий случай, где расположен местный собор; это первое и последнее упоминание в тексте). Профанное пространство в городе значительно преобладает над сакральным и провоцирует искривление в мировосприятии и повседневности горожан.

Топос отеля как репрезентанта большого города присутствует и в *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* Диккенса. В общем, действие в тексте часто происходит в гостиницах как больших, так и малых. Обратим внимание на то, как автор обозначает старые отели Лондона. Для него старинный отель – это вместилище культурной и исторической памяти, последний свидетель прошлого. Ранее отели были более значимыми, потому что служили заезжими дворами для карет, однако с активным развитием путей сообщения, в том числе и железнодорожных, они теряют свое значение как часть важных узлов для транспортных артерий страны. Теперь эти старинные отели сохранились в отдаленных от центра районах. В одном из лондонских боро, где еще сохранились гостиничные реликты, Диккенс замечает сохраненную старинную архитектуру и отсутствие суеты, характерной для крупных отелей:

A double tier of bedroom galleries, with old Clumsy balustrades, ran round two sides of the straggling area, and a double row of bells to correspond, sheltered from the weather by a little sloping roof, hung over the door leading to the bar and coffee-room. Two or three gigs and chaise-carts were wheeled up under different little sheds and pent-houses; and the occasional heavy tread of a cart-horse, or rattling of a chain at the farther end of the yard, announced to anybody who cared about the matter, that the stable lay in that direction³¹.

²⁹ Там же, с. 10.

³⁰ Там же, с. 166.

³¹ Ch. Dickens. *The Pickwick Papers*. Introduction and Notes by D. Ellis. Ware: Wordsworth Clas-

В отличие от гоголевской гостиницы, допотопный огромный отель с запутанными коридорами, до которого еще не добрались современные архитекторы и городские чиновники, ответственные за благоустройство, является средоточием городской мифологии и может быть неисчерпаемым источником для бесчисленных рассказов о привидениях. По убеждению писателя, современные реформаторы представляют угрозу для мест, которые хранят историю, как архаичный отель «Белый олень» или Лондонский мост.

Как и Гоголь, Диккенс отмечает отсутствие вкуса в современном обустройстве городского пространства и его кажущееся совершенство. Возле широких и освещенных улиц есть боковые: грязные, узкие и глухие – светлое пространство не способно вытеснить темное. Таким образом, в тексте подчеркивается двуличность столичного города:

The street is broad, the shops are spacious, the noise of passing vehicles, the footsteps of a perpetual stream of people – all the busy sounds of traffic, resound in it from morn to midnight; but the streets around are mean and close; poverty and debauchery lie festering in the crowded alleys; want and misfortune are pent up in the narrow prison; an air of gloom and dreariness seems, in my eyes at least, to hang about the scene, and to impart to it a squalid and sickly hue³².

В конце концов и в городе NN ничтожество и однообразие заброшенной застройки скрывается, хотя и не представлением лучших зданий и их удобным расположением, а формированием фиктивных образов города в местной прессе, которая таким образом угождает власти:

Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких деревьев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зеленою масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что «город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых деревьев, дающих прохладу в знойный день», и что при этом «было очень умильно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слез в знак признательности к господину градоначальнику»³³.

С легкой руки автора газетного сообщения жалкий и неухоженный сад превращается в новый «акт подвижничества» местного градоначальника.

Таким образом, моделирование пространственных отношений между географическими объектами в романах *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* Морье, *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* Диккенса, *Жизнь и похождения...* Квитки-Основьяненко, *Мертвые души* Гоголя корреспондирует с пространственным миром персонажей. «Воображаемые» пространства присутствуют во всех произведениях, несмотря на наличие реальных географических названий (Квитка-Основьяненко, Морье, частично Диккенс) или символических маркеров (Гоголь, Диккенс). Для полного воспроизведения психоэмоционального состояния персонажей, их национальных и ментальных

sics, 2000, с. 119.

³² Там же, с. 269.

³³ Н.В. Гоголь. *Мертвые души...*, с. 13.

особенностей английские и украинские авторы часто прибегают к умышленным деформациям географического пространства и наполнению его неприсущим символическим смыслом.

Литература

- Блій Г. де, Муллер П., Шаблій О. *Географія. Світи, регіони, концепти*. Київ: Либідь, 2004.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. *Культурные ландшафты как объект наследия*. [В:] *Культурный ландшафт как объект наследия*. Научн. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. Москва: Институт Наследия – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004, с. 13–36.
- Гоголь Н.В. *Мертвые души. Поэма*. [В:] Гоголь Н.В. *Полное собрание сочинений и писем*. В 23 т. Т. 7. Кн. 1. Москва: Наука – ИМЛИ РАН, 2012, с. 5–232.
- Замятин Д.Н. *Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях*. Москва: РОССПЭН, 2004.
- Замятин Д.Н. *Гуманитарная география: пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003.
- Замятин Д.Н. *Имагинальная (образная) география. Материалы к словарю гуманитарной географии*. [В:] *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах*. Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. Вып. 4. Москва: Институт наследия, 2007, с. 291–296.
- Замятин Д.Н. *Культура и пространство: моделирование географических образов*. Москва: Знак, 2006.
- Каганский В. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. Москва: Новое литературное обозрение, 2001.
- Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века* [В:] Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Збір творів у 7-ми т.* Ред. кол. П.М. Федченко и др. Т. 5: *Прозові твори*. Київ: Наук. думка, 1981, с. 7–377.
- Пыляев М. И. *Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы*. Сост., предисл., коммент. Ю.Н. Александров. Москва: АСТ – ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
- Фокина Л.А. *Картография с основами топографии: учебное пособие для студентов вузов*. Москва: ВЛАДОС, 2005.
- Brousseau M. *Geography's Literature*. «Progress in Human Geography» 1994, No 18 (30), с. 333–353.
- Brousseau M. *The City in Textual Form: Manhattan Transfer's New York*. «Ecumene» 1995, No 2 (1), с. 89–114.
- Dickens Ch. *The Pickwick Papers*. Introduction and Notes by D. Ellis. Ware: Wordsworth Classics, 2000.
- Entwistle A. *Poetry, Geography, Gender. Women Rewriting Contemporary Wales*. Cardiff: The University of Wales Press, 2013.
- GoGwilt Ch. *The Invention of the West. Joseph Conrad and the Double-Mapping of Europe and Empire*. Stanford: Stanford University Press, 1995.
- Hones S. *Literary Geographies. Narrative Space in Let the Great World Spin*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
- Moretti F. *Atlas of the European Novel (1800–1900)*. London: Verso, 1998.
- Moretti F. *Graphs, Maps, Trees. Abstract Models for a Literary History*. London: Verso, 2007.
- Morier J. *The Adventures of Hajji Baba, of Ispahan in England*. New Ed. London: Ward and Lock, 1856.

- Neculai C. *Urban Space and Late Twentieth-Century New York Literature. Reformed Geographies*. Palgrave Macmillan, 2014.
- Placing Poetry*. Ed by I. Davidson, Z. Skoulding. Amsterdam-New York: Rodopi, 2013.
- Poetry and Geography. Space and Place in Postwar Poetry*. Ed. by N. Alexander, D. Cooper. Liverpool: Liverpool University Press, 2013.
- Ryan L. *Memory and Spatiality in Post-Millennial Spanish Narrative*. Farnham, Surrey: Ashgate, 2014.
- Said E.W. *Orientalism*. 25th Anniversary Ed. with 1995 Afterword Ed. London: Penguin Books Ltd, 2003.
- Sanders J. *The Cultural Geography of Early Modern Drama, 1620-1650*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Tuan Yi-Fu. *Humanistic Geography*. «Annals of the Association of American Geographers» 1976. Vol. 66, No. 2, c. 266-276.
- Tuan Yi-Fu. *Space and Place. The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.